

Книги Павла Корнева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОВЯЗАННЫЙ КРОВЬЮ
МЕЖСЕЗОНЬЕ
ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД
ПЯТНО**

**ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР
БЕЗ ГНЕВА И ПРИСТРАСТЯ**

Цикл
«ПРИГРАНИЧЬЕ»

**ЛЕД
СКОЛЬЗИЙ
ЧЕРНЫЕ СНЫ
ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ
ЛЕДЯНАЯ ЦИТАДЕЛЬ
ТАМ, ГДЕ ТЕПЛО
ЛЕД. ЧИСТИЛЬЩИК
ЛЕД. КУСОЧЕК ЮГА**

В соавторстве
с Андреем Крузом
**ХМЕЛЬ И КЛОНДАЙК
ХОЛОД, ПИВО, ДРОБОВИК
ВЕДЬМЫ, КАРТА, КАРАБИН
КОРОТКОЕ ЛЕТО**

Цикл
«ЭКЗОРЦИСТ»

**ПРОКЛЯТЫЙ МЕТАЛЛ
ЖНЕЦ
МОР
ОСКВЕРНИТЕЛЬ**

Цикл
«СИЯТЕЛЬНЫЙ»
**СИЯТЕЛЬНЫЙ
БЕССЕРДЕЧНЫЙ
ПАДШИЙ
СПЯЩИЙ
БЕЗЛИКИЙ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ КОРНЕВ

БЕЗЛИКИЙ

РОМАН

Москва, 2017
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1082

Художник
М. Поповский

Корнев П. Н.
К67 Безликий: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 410 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2543-3

Он не тот, за кого себя выдает, и настолько привык притворяться кем-то иным, что давно позабыл, как выглядит собственное лицо. Он не любит причинять людям боль, но не расстается с кастетом и выкидным стилетом. Он — Петр, Пьер, Пьетро и Питер, но никто не знает, каким именем нарекли его при рождении. Не знает этого даже он сам. А попробуй разберись с собственным прошлым, если перешел дорогу анархистам, гангстерам и заезжим чернокожникам!

В этом мире наука заняла место религии, пар и электричество сделали магию делом изгоев, а сиятельные со своими сверхъестественными талантами лишены реальной власти. Но мечты механистов о золотом веке так и остались мечтами, и все явнее признаки приближающейся войны, равной по размаху которой человечество еще не знало...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Корнев П. Н., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2543-3

ПРОЛОГ

Иногда я готов убить, лишь бы только остаться в тишине. Особенно когда нет никакой возможности махнуть на все рукой и уйти, а от неприятных звуков натуральным образом раскалывается голова.

На этот раз причиной мигрени стал невыносимо визгливый тенорок Виктора Долина — нового приобретения хозяйки клуба. Распекавший танцовщиц хореограф то и дело срывался на фальцет, и никак не удавалось заставить себя не обращать на эти пронзительные крики внимания.

Но убить? Да нет, есть способ проще.

Отложив кисть, я достал из кармана коробочку с надписью *Ohgorax*, вставил в уши изготовленные из пчелиного воска и пропитанной вазелином ткани беруши, надавил, и наступила блаженная тишина. Головная боль исчезла, а вслед за нею пропало и желание свернуть крикливому баламуту шею.

Хорошо!

Я вновь взял кисть и взглянул на сцену, где шел последний перед завтрашней премьерой прогон. Девушки из кордебалета были прекрасны и восхитительны, но Ольга Орлова своей грацией легко затмевала их всех. Даже не потребуй этого хозяйка клуба, я в любом случае поместил бы на афишу именно русскую приму, и никого другого.

Просторный зал был погружен в полумрак, газовые фонари освещали лишь сцену да мой закуток с большим плакатом и парой мольбертов поменьше. Какое-то время я наблюдал за прогоном, подмечая интересные детали, а затем вновь вернулся к работе, но только начал смешивать краски, и репетиция уже подошла к концу. Ольга первой покинула сцену, вслед за примой побежали разряженные девицы из кордебалета.

Постановщик наконец прекратил бесноваться, вытер платочком вспотевшее лицо и спустился к Софи Робер — черно-волосой женщине в длинном узком платье, облегавшем стройную фигуру словно вторая кожа. Рядом с ними тут же оказался буфетчик Морис Тома. Владелица клуба взяла с подноса бокал с шампанским и что-то сказала постановщику. Долин от угощения отказываться не стал, но при этом отчего-то сильно смутился и вперил взгляд себе под ноги. Оно и немудрено: за те два года, что Софи управляла доставшимся от супруга клубом, она в совершенстве овладела искусством укрощения творческих личностей вне зависимости от степени их известности и взбалмошности.

Я не удержался, взял карандаш и принялся небрежными штрихами рисовать Софи. На скорую руку изобразил ее вьющиеся волосы, мягкий овал лица, прямой нос, ямочки на щеках и полные губы. Затем добавил легкие морщинки в уголках миндалевидного разреза глаз, несколькими быстрыми движениями наметил высокую грудь, стройную талию и длинные ноги, а под конец вместо платья обрядил Софи в корсет и чулки с подвязками. В руку вложил хлыст.

Бедный, бедный Виктор. Надеюсь, завтрашняя премьера нашу хозяйку не разочарует...

Пока я развлекался почеркушками, Виктор и Софи допили шампанское и покинули зал. Пришлось вновь заняться плакатом, попутно размышляя, в какое из окрестных заведений заглянуть после работы. У работы с красивыми женщинами есть один существенный недостаток: она... утомляет.

Некоторое время спустя вернулся Морис, уже без подноса, в куртке и кепке. Один за другим он погасил газовые светильники у сцены и направился к моему закутку. Я увидел, как его губы сложились в беззвучное «Пьетро!», и постучал указательным пальцем по уху.

— Не слышу!

Для буфетчика моя манера затыкать уши во время работы секретом не была, поэтому он молча указал на ближайший газовый рожок.

— Погашу! — пообещал я, слыша собственные слова странно искаженными, словно они звучали у меня в голове.

Морис кивнул и ушел в коридор.

Накануне премьеры Софи предоставила свободный вечер всему персоналу, за исключением ночного сторожа и меня. Впрочем, я цепью к мольберту прикован не был. Закончу работу и уйду.

Вытерев обрывком льняной ткани пальцы, я откинул полу убранный на стул пиджака и за цепочку вытянул из кармана серебряную луковицу часов. Взглянул на циферблат, убрал хронометр обратно и вдруг уловил отголосок непонятного удара, словно кто-то опрокинул шкаф или со всего маху захлопнул массивную входную дверь.

Шум вызвал точно не прокативший мимо клуба паровик; размеренный перестук их стальных колес давно сидел у меня в печенках. Нет, это было что-то новое. Необычное.

Я начал вытаскивать беруши, но поторопился и лишь затолкал их еще глубже. В сердцах выругался и, на ходу пытаюсь подцепить ногтями скользкую материю, вышел из зала в фойе, а там враз позабыл об ушных заглушках.

Ночной сторож валялся у входной двери, и вокруг его головы растекалась лужица крови.

Я подскочил к нему, опустился на колено и приложил пальцы к шее. Пульса не было.

Какого дьявола?!

В глаза бросилась распахнутая дверь служебного коридора, я забежал в него и увидел, что у кабинета Софи Робер стоит незнакомый моложавый господин, невысокий и крепкий. При моем появлении он нахмурился и спешно завел правую руку за спину.

Я кинулся к незнакомцу и на ходу затараторил:

— Синьор! Нужна ваша помощь! Сторожу плохо, он весь в крови! Вышел на улицу и свалился с крыльца, представляете? Все залил кровью! У нас приличное заведение, а не какой-нибудь притон! Что подумают люди?!

Молодчик в сером костюме произнес в ответ что-то отрывистое и злое.

— Не слышу! — постучал я себя пальцем по уху, продолжая шагать по коридору. — Синьор! Ночной сторож сильно расшибся! Нужна ваша помощь!

Незнакомец ступил вперед и резко махнул короткой дубинкой, метя мне по голове. Я отшатнулся в сторону, и дубин-

ка мелькнула перед лицом, а промахнувшийся молодчик провалился вперед.

Рывок за руку, локтем в лицо!

Тычок пришелся точно в подбородок, голова крепыша мотнулась назад, и он уселся на задницу. Но сознания не потерял, вытаращился на меня и вновь разинул рот. Я шибанул коленом в висок, и незнакомец завалился на спину, приложился затылком об пол и распластался без чувств.

Чистый нокаут.

Распахнувшийся пиджак открыл поясную кобуру, и я не стал поднимать набитую свинцовой дробью дубинку, вместо этого завладел револьвером. Переломил его — барабан подмигнул донцами нестреляных патронов. Заняты оказались все шесть камор.

В мои руки попал «Веблей» тридцать восьмого калибра с четырехдюймовым стволом; почему-то это обстоятельство показалось очень важным, но копать в обрывках смутных воспоминаний не оставалось времени. Я выругался и толкнулся в кабинет.

Налетчиков оказалось двое. Усатый дылда прижимал Софи к письменному столу и выкручивал руку, не давая дотянуться до ножа для бумаг, его лысоватый напарник пытался задрать хозяйке клуба платье, но узкая юбка застряла на бедрах и никак не поднималась выше. Плешивый тип заранее спустил брюки и оказался столь увлечен грядущим развлечением, что на стук распахнувшейся двери даже не обернулся. На мое появление среагировал лишь долговязый. Смахнув нож для бумаг на пол, он резко крутанулся от стола, и тотчас в его руке возник выдернутый из кобуры револьвер.

Хлопнуло! «Веблей» в моей руке дернулся, и хоть стрелял от бедра, усатый завалился с кровавой дырой посреди лба.

Плешивый что-то крикнул и дернул из кармана пиджака черный браунинг, но воспользоваться оружием не успел: две пули, одна за другой, угодили ему в низ живота. Налетчик выронил пистолет, зажал ладонями пах и сполз по стенке на пол.

Выждав пару мгновений, я добил его выстрелом в голову и вернулся в коридор. Но только взял на прицел молодчика с дубинкой, и подскочившая со спины Софи ухватила за руку и заставила опустить оружие.

— Что такое? — удивился я. — Не слышу!

Хозяйка клуба выдохнула беззвучное проклятие, подцепила своими длинными ярко-алыми ногтями беруши и выдернула их из моих ушей.

— Это сыщики! — крикнула она. — Пьетро, ты застрелил полицейских!

— Разве ты не платишь им за спокойствие?

— Это не местные! Сыскная полиция! Ньютон-Маркт!

Я опустил на короточки рядом с начавшим ворочаться крепышом и приложил его рукоятью револьвера по лбу, вновь отправляя в забытье, — лобная кость толстая, проломить ее неосторожным ударом несколько не опасался. После этого вытащил из внутреннего кармана пиджака кожаное портмоне, открыл его и выругался.

Внутри и в самом деле обнаружилась служебная карточка на имя Фредерика Гросса, детектива-констебля сыскной полиции метрополии.

— Ньютон-Маркт? — поднялся я на ноги. — Софи, какого дьявола им от тебя понадобилось?

Хозяйка клуба вернулась в кабинет, переступила через растекшуюся по паркету лужу крови и взяла со стола портсигар. Поспешно закурила, и вставленная в мундштук из слоновой кости сигаретка заходила ходуном в ее дрожащих руках.

— Софи!

— Деньги! — выкрикнула она в ответ и уже куда спокойней повторила: — Им нужны были деньги! Что же еще?

Деньги? Объяснение убедительным не показалось, но прежде чем я успел собраться с мыслями, послышался требовательный стук во входную дверь.

— Откройте, полиция! — донеслось с улицы.

— Думаю, он неплохо меня разглядел, — усмехнулся я, взял на прицел голову оглушенного детектива-констебля и выдохнул: — Пуф!

Стрелять я не стал, вместо этого переломил револьвер и опустошил барабан; патроны разлетелись по полу вперемешку со стреляными гильзами. После кинул разряженный «Веблей» в кресло и спросил:

— Покровители прикроют тебя?

Софи кивнула.

— Прикроют. Только надо сделать пару звонков.

В дверь колотили все сильнее, и я нахмурился.

— Так чего же ты ждешь?

Хозяйка клуба сняла трубку с телефонного аппарата и печально улыbnулась.

— Прощай, Пьетро! Мне будет тебя не хватать!

— Увидимся! — с усмешкой бросил я в ответ и побежал к черному ходу.

Пусть начальник местного полицейского участка и был давно прикормлен, но убийство двух сыщиков из Ньютон-Маркта явно не тот случай, на который станут закрывать глаза из-за сотни франков в неделю.

Пьетро Моретти должен был исчезнуть.

Навсегда.

Мансарды и крыши — будто ступеньки в небо.

Поднимись на чердак, выберись через слуховое окно на крутой скат — и дымный шумный город раскинется внизу, а над тобой останутся лишь облака да редкие дирижабли. Ну и голуби, куда без них.

Последний вечер лета я встречал на террасе пятиэтажного дома посреди моря черепичных крыш. Полотняный навес над головой легонько трепетал под порывами ветра, вдалеке в сером мареве смога маячили башни Старого города, было тихо и спокойно. И никого поблизости — ни закопченных трубочистов, ни вездесущих голубятников.

На застеленном газетой столе лежал немудреный ужин: две булки белого хлеба, пара головок сыра, кисть винограда, кусок копченого окорока и три бутылки молодого красного вина. Я как раз вкручивал штопор в пробку первой из них.

Последний ужин приговоренного? Отчасти так и было: убийца полицейского, пусть даже и полицейского продажного, едва ли мог всерьез уповать на долгую жизнь, хотя бы и на каторге. Такому попросту не дожить до суда.

У Пьетро Моретти не было ни единого шанса перехитрить судьбу. Прячься не прячься, один черт, отыщут и затравят, будто дикого зверя. И потому он должен был исчезнуть.

Свой прощальный ужин я начал, когда на город уже накатили сумерки и серое маревое смога растворилось в темноте, загорелись уличные фонари, замигали разноцветными огнями витрины и вывески. Где-то мягко светились газовые лампы, где-то резали взгляд отблески электрических светильни-

ков. Громыхали на стыках рельсов колеса паровиков, фыркали пороховые движки самоходных колясок, стучали по мостовым копыта впряженных в экипажи и телеги лошадей.

Вечерняя суэта нисколько не занимала меня; покачивая в руке стакан с вином, я отрешенно смотрел в небо. Звезд видно не было, лишь помаргивали в выси бортовые огни грузовых и пассажирских дирижаблей.

Внутри все сильнее разгоралось мягкое жжение, лицо покрылось испариной, блуза на спине пропиталась горячим потом. Вскоре оттягивать неизбежное уже не осталось никакой возможности; я собрал остатки еды и пустые бутылки в холщовую сумку и спустился с крыши в общий коридор. Там отпер боковую дверь и прошел в мансарду.

Тесная кухонька, небольшая гостиная с окном в скошенной крыше и спальня, куда едва-едва поместились платяной шкаф и узкая кровать.

Задрнув окно, я разжег газовые рожки, и гостиную заполнил мягкий желтоватый свет. В ростовом зеркале отразился высокий молодой человек со смуглой кожей, копной непослушных черных волос и привлекательным лицом уроженца Апеннинского полуострова. Нос с горбинкой, твердый подбородок, темные, очень темные и глубокие глаза. Немного печальные. Глаза мечтателя и поэта. Именно благодаря им да еще из-за тонких длинных пальцев образ художника и приобретал свою удивительную завершенность.

Пьетро Моретти, живописец. Не гений, но и не бездарность.

Я снял пиджак и принялся раздеваться, скидывая одежду прямо на пол.

Писаным красавцем Пьетро не был. Слишком худой, с тонкими ногами-спичками и немного сутулый. Кожа туго обтягивала ребра, но на животе и боках уже начинал скапливаться жирок. Плечи были узкими, а вот руки, в противовес им, выглядели жилистыми и сильными.

Жжение в районе солнечного сплетения все усиливалось и усиливалось, и почти сразу отражение в зеркале перестало быть черноглазым. Зрачки поблекли и выцвели, засияли лучезарным светом.

Тогда я принес из шкафа в спальне листы ватмана и развесил их по обеим сторонам зеркала. На одних рисунках было

запечатлено лицо молодого мужчины в профиль и анфас, на других я изобразил его в полный рост.

Вид спереди, с боков, со спины. На полушаге и в прыжке.

Темные волосы с левым пробором были выбриты на висках и затылке, глаза угрюмо смотрели из-под надбровных дуг, лоб перечеркивали нити морщин, прямой нос слегка изгибался из-за давнишнего перелома, а губы кривились в ироничной ухмылке. Открытое лицо казалось смутно знакомым, тут свою роль сыграло отдаленное сходство с хозяйкой клуба, Софи Робер. Этот человек был несколько ниже Пьетро Моретти и куда шире в плечах. С роста и стоило начинать.

Жжение распространилось на все тело, кожа стала очень теплой, даже горячей на ощупь. Воздух колыхался вокруг меня, как над раскаленной плитой. Я сделал глубокий вдох, напрягся — и плоть потекла, словно размягченный воск. В один миг тело просело на пять или шесть сантиметров, опасно хрустнул и загорелся огнем позвоночник. В него будто забили раскаленный штырь!

Я шумно выдохнул, пережидая, пока отступит боль, а едва она немного утихла, усилием воли раздвинул свое тело в плечах и нарастил мышечную массу на руках. Те взорвались огнем, заломило ключицы и скрутило ребра, но я уже сделал новый вдох и рывком согнал с живота и боков скопившийся там жирок. По большей части излишек плоти ушел вниз и восполнил худобу ног. Колени подогнулись, лишь чудом удалось не усесться на пол. Но устоял.

Обильная трапеза позволила прибавить к собственному весу еще пару килограммов, за счет этого новое тело вышло куда более мощным и плотно сбитым.

Тело? Да нет, пока лишь заготовка оного.

Я вновь направил силу в руки и заскрипел зубами от болезненного биения пульса в голове. Но не остановился, не скорчился на полу. Перетерпел. На следующем вдохе резкая боль охватила всю грудную клетку, и ничего не оставалось, кроме как стиснуть зубы и шаг за шагом прорабатывать и усилить мышцы торса.

Справился и с этим, а когда пришел черед пресса, по коже уже всюю струился кровавый пот. Пришлось откупорить последнюю бутылку и жадно приложиться к горлышку, дабы хоть как-то унять терзавшую мышцы резь и восполнить потерю жидкости.

Напоследок я сделал ноги поджарыми и атлетическими, а потом стиснул лицо ладонями, и тотчас взорвалась невыносимой болью голова. Кости черепа деформировались и сместились, принимая новую форму; податливая плоть повиновалась касаниям пальцев, словно мягкая гончарная глина.

Первым делом я придал лицу правильную овальную форму с немного более высоким, чем прежде, лбом. После укоротил мочки и чуть сильнее приплюснул уши, а затем несколькими осторожными касаниями добавил массивности надбровным дугам. Глаза запали сами собой, осталось лишь выправить нос, доработать скулы и подбородок да еще вылепить себе новые губы.

Рот стал шире; я поводил из стороны в сторону нижней челюстью и сплюнул на пол кровь. Мне было нехорошо.

Сияние глаз начало затухать, тогда я зажал нос пальцами и под мерзкий хруст повернул его сначала в одну сторону, а затем в другую, добываясь нужной искривленности.

На грудь потекла кровь, но я не обратил на это никакого внимания и открыл саквояж с медицинскими инструментами. Воткнул кончик скальпеля в бедро и повел вверх, бесстрастно удлиняя неглубокий порез. Затем накрыл царапину ладонью и немного подержал так, а когда отнял руку, на коже остался застарелый рубец. Еще одна подобная отметина украсила ребра, две прочертили правое предплечье, три — левое.

После я рассек бровь и добавил с обеих сторон глубокой царапины черточки-порезы, имитируя следы хирургических швов. Сильное поначалу кровотечение очень быстро прекратилось, от ранки остался лишь тонкий след шрама.

Под конец я резанул скальпелем вниз от левой мочки к подбородку, и прочертившая загорелую кожу белая ниточка добавила лицу асимметрии, удивительным образом сделав его живым и запоминающимся.

Финальный штришок? Да! Это был именно он!

Я бросил скальпель в саквояж, вытерся старой блузой и вновь посмотрелся в зеркало. Там отразился незнакомец. Быстрый, жилистый и опасный. Мастер не кисти и карандаша, а ножа и кастета.

От художника осталась копна темных волос, но... Это могло и подождать.

Еще не так давно переполнявшая меня сила почти развеялась, сменилась неуютной опустошенностью; я ухватил последние крупички власти над собственным телом, направил их в кисти и со всего маху приложился кулаками по кирпичной стене.

Левой-правой!

Из глаз потекли слезы, и я зашипел сквозь стиснутые зубы, придавая костяшкам нужный битый и ломаный вид. Затем прошелся по комнате, репетируя упругую походку уличного забияки, а только избавился от последних остатков утонченности итальянского художника, как щелкнул замок входной двери.

Выхватив из саквояжа скальпель, я отступил к стене, но тревога оказалась напрасной: это пришла Софи. Она смерила меня внимательным взглядом и улыбнулась.

— Да ты теперь просто красавчик, Пьетро!

Я кинул скальпель в саквояж, на миг замер, искажая голосовые связки, и спросил своим новым голосом:

— Пьетро? С чего ты взяла?

Софи рассмеялась волнующим грудным смехом.

— О, тебе меня не обмануть, даже не надейся. Узнаю в любом обличье, так и знай.

Она не шутила, и эта уверенность меня откровенно обескуражила.

— Я что-то упускаю? Скажи! Это важно!

Госпожа Робер указала пальцем чуть ниже живота.

— Твое мужское достоинство, Пьетро. Всякий раз оно остается... неизменным.

Я фыркнул.

— Откуда такая категоричность? Объективности ради тебе стоит познакомиться с ним поближе!

Софи покачала головой.

— Не надо все усложнять, Пьетро. Нас слишком многое связывает, чтобы впутывать в отношения еще и постель.

Я лишь кивнул, и тогда хозяйка клуба вытащила из ридикюля и протянула мне не слишком новый на вид, если не сказать — изрядно потрепанный паспорт. Я раскрыл картонную карточку, прочитал:

— Жан-Пьер Симон, — и удивленно хмыкнул. — Не Робер?

— Ты не родной брат, только кузен.

Согласно отметкам пограничной службы Жан-Пьер Симон прибыл на остров два месяца назад и больше Атлантиду не покидал, а внесенное в соответствующие графы описание внешности законного владельца паспорта подходило к моему нынешнему облику наилучшим образом.

— С этим Жаном-Пьером проблем не будет? — поинтересовался я на всякий случай. — Не всплывет в самый неподходящий момент?

— Нет, он отбыл в Новый Свет по фальшивым документам.

— Неприятности с законом?

— Карточные долги.

Я положил паспорт на стол и передвинул к зеркалу один из стульев.

— Подстрижешь? Эти патлы портят мне весь образ!

Софи пригляделась к развешанным на стенах листам с набросками и кивнула.

— Сделаю, — пообещала она, стянула с рук кружевные перчатки и достала из саквояжа ножницы и расческу.

Я уселся на стул и спросил:

— Как все прошло с полицией? Твои высокопоставленные знакомые замолвили за тебя словечко?

Хозяйка клуба поморщилась.

— Учитывая обстоятельства, всем показалось разумным не предавать дело широкой огласке. Убитый со спущенными штанами сыщик не лучшая реклама для Ньютон-Маркта. Если история просочится в прессу, полетят головы.

— Надеюсь, я не слишком сильно приложил детектива-констебля? Он уже дал показания?

Софи перестала щелкать ножницами, заставила меня повернуть голову и лишь после этого ответила:

— Детектив-констебль очнулся и уверенно опознал в напавшем на него человеке Пьетро Моретти, художника клуба «Сирена».

— Как он объясняет свой визит в клуб?

— Никак. Уверяет, что сержант просто велел караулить в коридоре.

— Он не мог не слышать твоих криков!

— Не вертись! — одернула меня Софи.

- Я не послушался и задал новый вопрос:
— Уже известно, как они попали внутрь?
— Якобы дверь не была заперта.
— А сторож?

— Его убивать не собирались. Это вышло случайно, когда он попытался выставить их на улицу. Все списали на оказание сопротивления полицейским при исполнении служебных обязанностей. Расследования не будет.

— Чушь! — зло выругался я. — Что говорит их инспектор?

— Прекрати! — потребовала госпожа Робер. — Не стоит ворошить это дело! Этим и без нас есть кому заняться!

Я покривил уголок рта и перечить не стал. Заставил себя расслабиться и начал любоваться отражением подстригавшей меня женщины. Софи перехватила взгляд и заметила:

— Ты не кажешься особо расстроенным. Надоело возиться с красками?

— Вовсе нет.

Рисовать мне нравилось. Я немало преуспел в этом ремесле, пусть известным живописцем не стал бы даже при самой большой удаче. Для этого не хватало самой малости — вдохновения. Я мог подражать великим и копировать их стиль, но не более того.

— Что же тогда? — заинтересовалась Софи.

— Узнал о себе кое-что новое.

— В самом деле?

— Оказывается, я неплохо стреляю.

Госпожа Робер передернула плечами, словно отгоняя неприятное воспоминание, и начала выстригать затылок. Кожа там оказалась заметно светлее загорелой шеи, и это добавляло моему образу дополнительной убедительности, раз уж Жан-Пьер прибыл в столицу из колониальной Африки лишь пару месяцев назад.

Размеренно шелкали ножницы, состриженные волосы падали на пол и щекотали кожу. Когда на затылке открылась отметина старого ожога, Софи не выдержала и вздохнула.

— Пьетро! Тебе под силу стать самим совершенством, прекрасным, как античный Аполлон, к чему эти шрамы?

Я лишь неопределенно хмыкнул в ответ. Как обычному человеку не дано избавиться от пупка, так и ожоги в той или иной форме проявлялись в каждом из моих обличий. Они

словно связывали меня с давно позабытой прошлой жизнью, но говорить об этом не хотелось.

Когда со стрижкой было покончено, я поднялся на ноги и произнес, намеренно грассируя «р»:

— Благодарю, мадам!

Софи сложила опасную бритву, которой подбривала мне шею, убрала ее на стол и от души рассмеялась.

— Пьетро, ты бесподобен!

— Жан-Пьер, — напомнил я. — Не забывай, кузина, меня зовут Жан-Пьер.

— До встречи, Жан-Пьер.

Кузина поцеловала меня в щеку и покинула мансарду, оставив после себя легкий аромат духов и куда более явственное предчувствие грядущих неприятностей. И если запах духов сгинул, стоило лишь спалить в камине листы с набросками, то дурные мысли никуда не делись. Не было ни малейших сомнений, что визит сыщиков в клуб отнюдь не случайность, а лишь первый ход в игре, правила которой нам никто не удалось объяснить.

Впрочем, так или иначе, любая игра неизменно сводится к банальному «убей или умри». Третьего не дано. Не в этой жизни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Новый Вавилон — город тысячи обличий. Он одинаково легко способен восхитить или ужаснуть, но едва ли хоть кто-то останется равнодушным при виде забранной в гранит набережной Ярдена, величественных дворцов и широких проспектов, древних амфитеатров и самой протяженной в мире подземки. А еще — раскаленных фабричных цехов, зловонных трущоб, смертельно опасных притонов, роскошных публичных домов и убогих опиумных курилен.

Столица Второй Империи одинаково легко притягивала к себе безграмотных мигрантов и выпускников престижных университетов, известных мошенников и непризнанных гениев, целеустремленных карьеристов и скучающих рантье.

Я любил этот город, хоть уже и не помнил за что.

Отчасти, наверное, за то, что Новый Вавилон напоминал меня самого. Он не мог существовать и все же существовал.

Без малого две тысячи лет назад *падшие* вырвали северную часть Аравийского тогда еще полуострова и, как малолетние проказники насыпают в лужу пригоршню песка, зашвырнули ее в Атлантический океан. Так возникла Атлантида, а на ней появился Новый Вавилон. Отсюда падшие правили миром и здесь же нашли свой конец. Но, даже сгинув, умудрились отравить свергнувших их бунтовщиков.

Своею кровью, своею силой.

Проклятие падших наделило некоторых людей сверхъестественными *талантами*, и пусть мои глаза не были бесцветно-серыми, я все же являлся одним из *сиятельных*. Силой разума я умел перекраивать свое тело. Превосходное умение! Главное только однажды не позабыть, как выглядит собственное лицо.

Стоя у открытого окна, я вытирал влажные волосы полотенцем и смотрел на терявшиеся в туманной дымке башни Старого города. Первый день осени выдался теплым и погожим, но ясное небо в Новом Вавилоне было явлением столь же редким, как и дождь в пустыне. Изо дня в день, из года в год смог затягивал все кругом своей отравленной серой пеленой.

Мыться пришлось холодной водой, и кожа покрылась мурашками. Я поскорее кинул полотенце на стул и начал одеваться. В трусах и белой сорочке отошел к зеркалу, посмотрел на себя со стороны и благосклонно кивнул. Размер оказался подобран просто идеально; рукава были нужной длины, в плечах не жало, нигде ничего не висело и не топорщилось. Носки и серые брюки с подтяжками тоже никаких неожиданностей не преподнесли, а вот прочные ботинки показали узковатыми, пришлось слегка изменить форму стопы.

Ерунда, но в глазах так и потемнело. И дальше будет только хуже: чем сильнее вживусь в это тело, тем меньшей властью стану над ним обладать. Через месяц не получится даже убрать родинку или бородавку.

Зачесав волосы на левый пробор, я взял со стола жестяную банку с помадой для волос и тщательно зафиксировал укладку. Поглядел на свое отражение, одобрительно хмыкнул и снял с вешалки серый двубортный пиджак в узкую вертикальную полоску, которая была лишь немногим светлее основного фона. Тот сел так хорошо, будто его шили по моим меркам.

Но не по моим, вовсе нет. Как и ботинки, Софи купила его уже поношенным; одежда Жана-Пьера не должна была казаться слишком новой.

Повязав вызывающе яркий шейный платок, я переложил деньги в новое портмоне, а все оставшиеся после Пьетро Моретти пожитки собрал в холщовый мешок. Затем нацепил кепку, серую, под стать костюму, запер за собой дверь и по узкой темной лестнице спустился на первый этаж.

Двор-колодец был совсем небольшим, сырым и темным, но табличка на стене дома гордо гласила: «Медвежий дворик». Через арку я вышел в глухой переулок, где меж домами были натянуты бельевые веревки с панталонами, брюками и ночными рубашками, и зашагал по узкому проходу. Выкинул мешок с одеждой в мусорку, повернул раз-другой и очутился на оживленном бульваре Грамма.

Там я приподнял над головой кепку, приветствуя симпатичную девушку в платье с узкой-узкой по нынешней моде юбкой, восхищенно присвистнул, и красotka, зардевшись, ускорила шаг. Но улыбнуться в ответ — улыбнулась.

Черт побери! Пожалуй, мне начинало нравиться быть Жан-Пьером Симоном, весельчаком и дамским угодником!

Пропустив самоходный экипаж с паровым движком, я перебежал через дорогу к газетному киоску, кинул седоусому продавцу монету в полфранка и отобрал стопку разных изданий.

К «Атлантическому телеграфу», «Столичным известиям» и «Вестнику империи» добавил британскую «Дейли Мейл», немного поколебался и все же взял еще и парижскую «Фигаро». Художник Пьетро, как и подобает истинно творческой личности, мало интересовался происходящими в мире событиями, пришло время это упущение исправить.

Сунув свернутые газеты под мышку, я зашагал по бульвару, с интересом поглядывая по сторонам. Раньше в этом районе появляться не доводилось, поэтому все было в новинку. Дома красовались аккуратными балкончиками с цветочными горшками, статуями античных героев и колоннами на фасадах, на бульваре покачивали пожухлой листвой каштаны, в сквере рвался к небу высоченный мраморный обелиск, как водится привезенный из Египта и установленный в честь одной из давным-давно позабытых побед. А может, чьего-то рождения или смерти; разглядывать табличку было недосуг.

Навстречу попался полицейский патруль, и по спине сразу побежал неприятный холодок. Констебли в летних мундирах и фуражках были вооружены пистолетами и дубинками с железными вставками электрических разрядников. К счастью, на меня они не обратили никого внимания.

На небольшой треугольной площади, где сходились две улицы, стояли столики, большинство из них оказалось свободно. Я уселся за один, попросил принести кофе, круассаны и сыр. Ничего более серьезного организм сейчас принять попросту не мог.

Пока готовили заказ, я разложил перед собой газеты и принялся просматривать их, в первую очередь уделяя внимание криминальной хронике и разделам с необычайными происшествиями. Таковых оказалось совсем немало.

При разгоне демонстрации в Дублине погибли два человека и несколько сотен пострадали. Организаторов стачки арестовали, но едва ли это было способно переломить ситуацию.

В самом Новом Вавилоне дела обстояли ничуть не лучше. В пригороде подорвали полицейский броневик и обстреляли прибывший на место происшествия наряд; сообщалось о нескольких раненых стражах порядка и одном убитом. Все свидетельствовало о том, что это очередная акция анархистов, а вот кто стоял за ограблением почтового отделения в самом центре столицы, было доподлинно неизвестно. Главный инспектор Ле Брен возлагал ответственность на подпольную ячейку социалистов, но газетчики не оставили от этой версии и камня на камне, припомнив главе полиции метрополии аналогичные заявления по поводу недавнего налета на отделение «Вестминстерского банка» и нескольких других наделавших много шума грабежей, также оставшихся нераскрытыми.

Весь первый лист «Атлантического телеграфа» традиционно занимали мировые новости, но пограничные стычки в колониальной Африке и напряженность в Иудейском море не заинтересовали меня, в отличие от репортажа о разгоне шабаша в столичных катакомбах. Спецотдел Ньютон-Маркта сообщил о ликвидации трех малефиков и задержании еще пятерых. Большинство из них находились в розыске по обвинениям в антинаучной деятельности, наведении порчи, мошенничестве и даже убийстве.

«Вестник империи» сообщал о планах императрицы Анны посетить церемонию открытия восстановленного лектория «Всеблагое электричества» и устами приглашенных экспертов выражал осторожные сомнения в целесообразности данного шага. Механисты уже провели несколько стихийных митингов и собирались протестовать дальше, даже несмотря на совместный призыв Теслы и Эдисона сохранять спокойствие. Отдельные горячие головы и вовсе поспешили обвинить иерархов общества в предательстве научных идеалов.

Я осторожно пригубил горячего кофе и покачал головой. Еще совсем недавно Новый Вавилон был настоящим оплотом научного мира, но все изменилось с коронацией Анны. Императрица была сиятельной и, помимо доставшегося от рождения таланта, неким неведомым образом обрела воистину сверхъестественные способности; досужие языки даже болтали, будто

ее величество стала ангелом. Но это было еще полбеды! Если раньше inferнальные твари, потусторонние создания и малефики держались от столицы как можно дальше, то теперь пришлось создавать специальное полицейское управление для борьбы с порождениями сверхъестественного. Росту политической стабильности это несколько не способствовало.

На улице легла густая тень; я поднял взгляд и увидел, как над нами, едва не цепляя гондолой флюгеры, медленно плывет дирижабль с эмблемами полицейского управления. Понеслось приглушенное стрекотание порохового движка, и с соседней улочки на бульвар неспешно выкатился броневик. На нем никаких опознавательных знаков не было, но торчавший над пулеметной башенкой длинный металлический штырь наглядно свидетельствовал о принадлежности самоходного экипажа спецотделу Ньютон-Маркта.

По спине пробежались острые коготки электрических импульсов, в голове зазвучали призрачные голоса.

Едва не расплескав кофе, я очень медленно и осторожно поставил чашку на блюдце, закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Не помогло, голову продолжила колотить неприятная пульсация. Я уже ощущал нечто подобное раньше, но никогда — столь остро.

Укол. Порез. Порез. Укол.

Показалось, будто на моей душе выбивает сообщение точками и тире некий невидимый телеграф, накатила тошнота, и перед глазами все поплыло, но стоило лишь броневику проехать мимо уличного кафе, и дурнота начала отступать.

А вот шагавший по тротуару благообразной наружности господин вдруг оступился и упал на четвереньки. Спина его странно изогнулась, послышался явственный хруст суставов и связок. Руки и ноги удлиннились, а колени вывернуло назад, странный уродец прыгнул на дорогу и противоестественно длинными скачками помчался прочь.

Водитель броневика ударил по тормозам, и сразу с басовитым гулом начал раскручиваться ствольный блок гатлинга. Но прежде чем пулеметчик открыл огонь, штык на карабине одного из констеблей ослепительно сверкнул, и с него сорвалась длинная искра электрического разряда. Сбитый с ног метким попаданием беглец забился в судорогах, и подоспевшие поли-

цейские сноровисто заковали его в наручники и потащили к броневнику.

Когда задержанного проволокли мимо моего стола, удалось в деталях рассмотреть экипировку стражей порядка. Форменные плащи оказались обшиты алюминиевой фольгой, а серые кирасы и шлемы, такое впечатление, что изготовили из титана. Да, скорее всего, так оно и было: алюминий и титан считались «новыми» металлами; в чистом виде их научились получать совсем недавно, и это делало изделия из них непригодными для большинства колдовских чар.

Сбежавшиеся поглазеть на задержание зеваки начали расходиться, но далеко никто уйти не успел: к площади подъехали громоздкие паровые грузовики, и высыпавшие из кузовов констебли перекрыли обе выходившие на нее улицы. Я суетиться не стал и спокойно завтракал, дожидаясь, пока сотрудники спецотдела проверят всех попавших в оцепление горожан.

Вскоре один из полицейских потребовал предъявить документы, и я протянул ему паспорт, а сам спокойно допил остатки кофе. Под шлемом констебля была закреплена сложная система очков, которая полностью закрывала левый глаз. Изучив паспорт, полицейский пристально уставился на меня и прикоснулся к виску. Послышался тихий скрип, с которым шестеренки вращали линзы моногля. После секундной заминки констебль сделал пометку в блокноте, вернул паспорт и перешел к следующему столу.

— Это все, мсье? — спросил я.

— Да, можете идти, — откликнулся полицейский.

Я вытер пальцы салфеткой, оставил на столе франк с мелочью и вышел за полицейское оцепление. Газеты выкинул в первую попавшуюся по пути урну. На сегодня новостей с меня было достаточно.

2

Минут через пять я вышел к ветке паровика, но когда оглянулся на стук железных колес, то лишь досадливо выругался и продолжил шагать по тротуару. Вместо чадающего монстра меня нагонял монстр электрический. Заднюю часть самоход-

ной конки с надписью: «Депре» занимал огромный железный ящик электрической банки.

По спине побежали мурашки. Пусть электричество и отвоёвывало все новые и новые области применения, я его не любил и не принимал.

Не видящий дальше собственного носа ретроград?

Вовсе нет!

Я ничего не имел против прогресса и всех этих делающих нашу жизнь проще новомодных веяний, но вот к электричеству относился с настороженностью и опаской. Сам даже не знаю почему...

Впрочем, и хорошо, что решил пройтись пешком. Очень скоро на стене дома мелькнула вывеска: «Сават», и я замедлил шаг.

Сават — это французский бокс, а я француз, так почему бы и нет?

Помимо савата, как явствовало из рекламных надписей, в спортивном зале обучали классическому боксу и джиу-джитсу. Я немного поколебался, потом обогнул театральную тумбу с разноцветными афишами и по узенькой лесенке спустился в полуподвальное помещение, а вскоре уже переодевался в трико и майку. Затем выбрал подходящие по размеру боксерки на плоской жесткой подошве, зашнуровал их и вышел в зал.

Там оказалось немногочленно, лишь доносились отзвуки глухих ударов из дальнего угла. Но было бы странно застать тут аншлаг в первой половине понедельника.

Невысокий подтянутый блондин в гимнастическом трико подошел минут через пять, окинул меня оценивающим взглядом и протянул не слишком пухлые защитные перчатки.

— Жан-Пьер, — представился я, натягивая их.

— Леон, — сообщил в ответ свое имя тренер и спросил: — Что ты знаешь о савате?

— Кое-что, — неопределенно пожал я плечами. — Просто немного натаскайте меня. Для общего развития.

— Это не бокс, — сразу предупредил Леон. — Основной упор идет на удары ногами. И бьют не только кулаками, но и основанием, и ребром ладони. Глаза, уши, сонная артерия. Это ясно?

Я кивнул.

— Тогда давай посмотрим, с чем тебя едят! — объявил тренер и вдруг ловко пнул меня по щиколотке.

Боксерка больно ударила по кости, от неожиданности я вскрикнул и заскакал на одной ноге.

— Ух!

— Не зевай! — потребовал Леон и поправил меня: — Руки ниже! Ниже, чем в боксе! Придется парировать удары ногами.

— Понял, — пробормотал я, копируя стойку наставника.

Тот попробовал повторить короткий быстрый тычок носком туфли, но на этот раз я был начеку и вовремя отступил. Отступил и едва не пропустил резкий мах ногой! Леон пнул в прыжке, но не слишком сильно, у меня получилось скрутить корпус в сторону и поставить блок.

И сразу — хук в голову!

Угоди перчатка по уху, я уселся бы на пятую точку, но, к счастью, успел закрыть голову предплечьями и ушел в глухую оборону, а потом изловчился разорвать дистанцию резким скачком назад.

Сердце лихорадочно забилося, я замахнулся и нарвался на встречный пинок. Жесткая подошла угодила в бедро, враз оборвав наступательный порыв, и Леон двинул меня рукой в лицо. В самый последний миг я отмахнулся и одновременно дернул голову в сторону; перчатка лишь скользнула по скуле.

— Неплохо! — похвалил тренер и немедленно двинул меня в колено.

Я принял удар на голень, а предплечьем блокировал прямой в голову и сразу попытался контратаковать сам, но Леон резво отступил и пнул меня на полушаге назад. Голень так и взорвалась болью!

Пришлось податься назад, выгадывая время, а тренер неуловимым подскоком оказался рядом и сделал круговой мах, метя ступней в голову. Не став блокировать удар, я просто присел и вновь отступил.

Леон попытался врезать мне по шее, но тут уже я встретил потерявшего осторожность инструктора пинком в щиколотку, пихнул перчаткой под ребра и сразу ткнул локтем в подбородок. Удары вышли не слишком сильными, тренер лишь покачнулся. От выброшенной навстречу ноги мне удалось уклониться без всякого труда, в развороте я провел финт левой и

что было сил врезал правой. Открытая ладонь со всего маху угодила по уху, и Леон поплыл.

Я бросился развивать успех, да только ноги вдруг взлетели выше головы, а жесткий удар спиной об пол выбил из легких весь воздух.

Какое-то время я лежал, восстанавливая дыхание, потом приподнялся на локтях и спросил:

— Это ведь был не сават?

— Джиу-джитсу, — ответил Леон и протянул руку, помогая подняться. — Ты слишком хорош для новичка.

Я принял помощь, начал стягивать перчатки и усмехнулся:

— Насколько хорошо?

— Лучше, чем это нужно для саморазвития, — прямо ответил Леон. — Извини, тренировать тебя не возьмусь. Стиль грязный, годится лишь для уличных драк.

Я кивнул, принимая услышанное к сведению.

— Подберешь партнеров для тренировок?

— В любое удобное время.

— А джиу-джитсу?

— Только в следующем месяце. Пришлось набрать женские группы.

— Ах да! — рассмеялся я. — Сильвия Панкхерст!

Лидер британских суфражисток призывала соратниц изучать джиу-джитсу для грядущих столкновений с полицией и тем самым сделала этому экзотическому единоборству неплохую рекламу.

Я попрощался с тренером и ушел в раздевалку. На лодыжках обнаружили багровые кровоподтеки, на скуле темнела ссадина. Но не беда, для образа это просто идеальный штришок.

Морщась от боли в потянутых мышцах, я переоделся и начал приводить в порядок укладку, не жалея при этом помады для волос. Потом договорился с администратором о следующем визите и поднялся на улицу. Дальше шагал уже отнюдь не столь легкой походкой, как раньше. Бросок Леона бесследно не прошел, спину ощутимо ломило.

Пока без всякой спешки ковылял по тротуару, в голове крутились слова тренера.

Уличный задира? Очень интересно...

На перекрестке у проспекта Менделеева я купил в палатке стакан газированной воды без сиропа, осушил его одним махом и попросил налить еще. Пить хотелось просто невероятно.

Мимо прошла лоточница с папиросами; в обмен на пять сантимов я взял сигарету из коробки с надписью: «Толстой», которую здесь же и прикурил. Но нет — никакого удовольствия не испытал, лишь продрало едким дымом глотку. Раз затянулся и сразу выкинул окурочек в урну.

Не зря, выходит, Пьетро табак на дух не выносил. Не мое.

Я окинул пристальным взглядом запряженный самоходными колясками и конными экипажами проспект Менделеева, вздохнул и зашел в книжную лавку. Там приобрел блокнот, пару карандашей и миниатюрный, с лезвием не длиннее мизинца, складной перочинный ножик.

На ходу затачивая один из карандашей, двинулся вдоль дороги, но почти сразу остановился, привлеченный вывеской оружейного магазина «Арес».

Оружие? Оружие!

Почему бы и не приобрести карманный браунинг или «бульдог»? В конце концов, не окажись вчера у оглушенного констебля при себе револьвера, сыщики запросто понаделали бы во мне дырок!

Я поднялся на крыльцо и распахнул звякнувшую колокольчиком входную дверь. Магазин оказался невелик, на стенах были развешены винтовки и гладкоствольные ружья, под стеклами витрин лежали пистолеты и револьверы. Один из прилавков полностью занимало холодное оружие. Там сверкали сталью ножи, трости со скрытыми клинками или титановыми набалдашниками, кастеты, кортики и даже сабли.

Невысокий приказчик с тщательно подстриженной окладистой бородой оторвался от газеты и улыбнулся.

— Чем могу служить, милсдарь?

— Мне бы пистолет, — объявил я. — Карманный.

Продавец без малейших колебаний выложил на прилавок небольшой плоский пистолет с тремя вертикально-расположенными стволами. Точнее, без стволов вовсе — в съемной кассете были закреплены длинные гильзы.

— «Цербер»! Хит продаж! Разлетается, как горячие пирожки! Оптимальные габариты и быстрая перезарядка. Патенто-

ванная система Теслы по электрическому воспламенению пороховых зарядов не позволит заблокировать оружие малефикам и адским отродьям! — Приказчик с довольным видом улыбнулся и заявил: — Электричество сильнее магии!

И это было действительно так, но я электричеству не доверял.

Заметив скользнувшую по моему лицу тень сомнения, продавец пожал плечами и достал пистолет куда более массивный, с блоком на шесть стволов.

— Или вот «Гидра»...

— Нет, — покачал я головой. — Мне что-нибудь более традиционное.

— Но по нынешним временам электрическое воспламенение...

— Благодарю, не стоит!

Приказчик поскущел.

— Браунинг? — пробормотал бородач. Идея продать нечто столь банальное привела его в глубочайшее уныние. — Даже не знаю, что есть в продаже с титановым кожухом затвора... — Но он тут же оживился. — О! Вот посмотрите, модель этого года от фабрики «Зауэр и сын»!

Пистолет оказался небольшим и практически потерялся в моей ладони.

— Тридцать второй калибр, магазин вместимостью семь патронов, — пояснил приказчик. — Разбирается элементарно — достаточно просто скрутить заглушку кожуха затвора и сдвинуть его вперед.

Надавив на защелку, я вынул магазин, повертел в руках и втокнул его обратно в рукоять.

— Сколько?

— Сорок пять франков.

Я поморщился, но все же достал бумажник.

— И пачку патронов, пожалуйста.

— Настоятельно рекомендую пули с алюминиевой оболочкой, — предложил приказчик.

Против алюминия я никакого предубеждения не испытывал, поэтому кивнул.

— Давайте. И еще дополнительный магазин.

Продавец защелкал костяшками счетов, но сразу отвлекся, стоило только мне обратить внимание на прилавок с холодным оружием.

— Желаете приобрести нож? Есть складные модели с титановым клинком! Испанские навахи, итальянские стилеты...

Столь откровенное желание бородача сбыть хоть что-нибудь из своих запасов покорило и заставило покачать головой.

— Нет, не нужно, — отказался я, но сразу передумал, выбрал серовато-серебристый кастет с удобным упором для ладони и надписью: «Боксер» и передал его продавцу.

— Посчитайте.

— Алюминиевый? Отличный выбор! — Приказчик просто просиял, сдвинул еще две костяшки счетов и объявил: — С вас пятьдесят восемь франков!

Я отчитал пять красных десяток с портретом Леонардо да Винчи и добавил к ним синюю пятерку с Александром Волтой, а недостающие три франка набрал мелочью.

Денег после этого в бумажнике почти не осталось.

— Пистолет уже очищен от заводской смазки, — предупредил продавец, выкладывая на прилавок коробку патронов и запасной магазин. — Никакой дополнительной обработки не требуется. — Он открыл толстенный grosсбух и попросил: — Ваши документы, будьте любезны. По новым правилам, мы должны записывать покупателей огнестрельного оружия.

Я передал ему паспорт и снарядил магазин патронами, затем продиктовал адрес проживания и попутно зарядил второй. Пистолет прекрасно поместился в боковом кармане пиджака и особо его не оттопыривал. Если даже кто-то и обратит внимание, то подумает, скорее, о банальном портсигаре.

Распределив по карманам остальные покупки, я забрал паспорт, распрощался с приказчиком и покинул магазин. С высокого крыльца улица просматривалась на два или три квартала, но попутных паровиков видно не было.

Ловить извозчика не стал не столько из-за отсутствия лишних денег, сколько по той простой причине, что на перегруженной телегами и паровыми грузовиками дороге любой экипаж будет двигаться со скоростью пешехода.

Спешить было некуда; я уселся на лавочку в тени раскидистого платана, достал блокнот и начал по памяти зарисовывать нагрывавших в клуб полицейских. Точнее — попытался зарисовать. Карандаш в пальцах лежал совершенно непри-

вычным образом, и линии получались короткими, резкими и отрывистыми.

Я в раздражении вырвал лист и выкинул его в мусорную урну. Затем повторил набросок на следующем, но в итоге вырвал и его. Что-то было не так, что-то мешало.

Закусив кончик карандаша, я пару минут обдумывал ситуацию, потом тряхнул кистью и вновь принялся рисовать. Но на этот раз уже не копировал манеру Пьетро Моретти, а просто кидал штришок к штришку, и очень скоро в блокноте возник портрет детектива-констебля, отправленного в нокаут перед кабинетом Софи.

И все бы ничего, да только рисунок оказался выполнен едва ли не с фотографической точностью, и назвать это искусством не поворачивался язык. Но для кулачного бойца получилось очень даже неплохо...

3

Когда послышался пронзительный гудок паровика, я закрыл блокнот и сунул его во внутренний карман пиджака, затем поднялся со скамейки и решительно шагнул на проезжую часть. Пропустил размеренно чихавшую пороховым движком самоходную коляску, проскочил перед медлительным паровым грузовиком и едва не угодил под копыта пары белых, в яблоках лошадей. Сидевший на козлах открытого экипажа извозчик покрыл меня матом; я ответил ему тем же и запрыгнул на заднюю площадку катившего по рельсам паровика.

Кондуктор в темно-синей униформе, кожаный ремень которой оттягивала кобура с табельной «Гидрой», принял у меня плату за проезд и предложил пройти от дверей вглубь вагона. Я так и сделал, схватился за поручень и покатил в клуб.

Клуб «Сирена» занимал просторный трехэтажный особняк на пересечении Ньютонстраат и переулка Гюйгенса, в квартале от набережной канала Меритана. Район этот к фешенебельным было не отнести, но заглядывать сюда respectable публика нисколько не опасалась даже вечерами. Благодаря близости Ньютон-Маркта на улицах было спокойно и днем и

ночью, да и большинство посетителей по окончании представлений разъезжалось домой на извозчиках.

Когда паровик вывернул на площадь Ома, я спрыгнул на брусчатку и, оставив полицейское управление за спиной, зашагал по Ньютонстраат. Прошел пару кварталов и оказался у перекрестка, на противоположной стороне которого возвышался дом с вывеской De la Sirene. С размещенной у входа афиши прохожим улыбалась нарисованная мною Ольга Орлова, и сразу неуютным ознобом накатила неуверенность. Показалось вдруг, будто вот-вот послышится требовательный свист, набегут полицейские, скрутят и уволочут в участок. Но не набежали и не уволочили, конечно же нет. Постовой на перекрестке с беспечным видом продолжил крутить в руках дубинку и в мою сторону даже не взглянул.

Я с облегчением перевел дух и зашел в пиццерию. За прилавком стоял дородный хозяин закусочной — Марио, его черные усы задорно топорщились в стороны, будто стрелки на циферблате часов.

Пьетро Моретти непременно поздоровался бы с соотечественником и пропустил с ним стаканчик кьянти или рюмочку граппы, я же молча прошел к установленной в углу кабинке с телефонным аппаратом и прикрыл за собой дверцу. Позвонил по прямому номеру в кабинет Софи, а когда та ответила на вызов, представился:

— Это Жан-Пьер...

— Где тебя черти носят? — прошипела кузина. — Ты мне нужен! Прямо сейчас!

— Буду через пару минут.

— Только воспользуйся черным ходом! — предупредила Софи и повесила трубку.

Я вытащил из кармана пистолет и дослал патрон, сунул «Зауэр» обратно и лишь после этого покинул телефонную будку. Мимоходом кивнул владельцу заведения и вышел на улицу, а там огляделся по сторонам куда внимательней, чем прежде.

Перекресток, на котором стоял трехэтажный каменный особняк клуба, был не самым оживленным; дальше Ньютонстраат упиралась в канал, поэтому телеги и самоходные коляски заворачивали сюда не слишком часто, а извозчики подъезжали уже ближе к вечеру. Пока что большинство магазинов

в окрестных домах еще не открылось, да и закусовые работали далеко не все. Где-то мыли витрины, где-то лишь поднимали жалюзи.

Прохожих на улице оказалось совсем немного, все они спешили по своим делам, на одном месте торчал только постовой. Еще неподалеку маячил продавец газет, но он маячил тут каждый день. Как и дворник, что заканчивал подметать тротуар.

Я шагнул на дорогу и в этот момент к особняку подъехал открытый экипаж, на заднем сиденье которого вольготно расположились два прекрасно известных мне персонажа: Большой Джузеппе и его подручный Эннио по прозвищу Малыш. Впрочем, «малышом» тот мог показаться лишь на фоне своего грузного и кряжистого спутника, а на деле не уступал мне ни ростом, ни шириной плеч.

Джузеппе и Эннио были бандитами и верховодили в шайке сицилийцев, промышлявшей вымогательством, контрабандой и торговлей наркотиками. Муж Софи вел с ними какие-то дела, а вот сама она их на дух не переносила. И никогда на моей памяти с ними не работала.

Так какого черта?! Что изменилось теперь?

Перебежав через проезжую часть, я повернул за угол, дошел до узкого прохода между домами и юркнул в него. Там сразу сорвался на бег и очень скоро очутился у крыльца черного хода. Дальше начинались огороженный высоким забором задний двор клуба и подворотня соседнего жилого дома.

Взлетев по ступенькам, я лихорадочно заколотил молоточком, и дверь сразу распахнулась, но ее проем оказался полностью перегорожен массивной фигурой вышибалы. Бритая наголо голова громилы блестела от восковой мази, под сплюснутым носом чернели щеголевато закрученные усы, а грудная клетка больше напоминала бочонок; пиджак легонько потрескивал при каждом движении охранника. Некогда он выступал цирковым борцом, да и сейчас формы не растерял, выглядел мощным и грозным.

— Жан-Пьер? — поглядел на меня вышибала с нескрываемым сомнением.

— Он самый, — улыбнулся я. — Ты Лука, да? Кузина предупредила обо мне?

Громила посторонился и объявил:

— Проходи.

— Она в кабинете? — уточнил я, шагнув за порог.

— Я провожу.

Лука задвинул засов и повел меня через служебные помещения.

В клубе уже вовсю шла подготовка к вечернему представлению, бегали с охапками разноцветных нарядов костюмеры, возились с щетками полотеры. Дверь общей гримерной оказалась распахнута настежь, и я успел бросить взгляд на прихорашивавшихся там красоток из кордебалета.

— Да тут настоящий малинник! — рассмеялся я, но Лука никак на это замечание не отреагировал. Его бесстрастное лицо казалось вырубленным из куска гранита.

У кабинета владелицы клуба уже пританцовывал от нетерпения жилистый и смуглый Гаспар по прозвищу Матадор — невысокий испанец, быстрый словно мангуст. При нашем появлении он сунул в карман немалых размеров наваху, которой играл до того, и прошипел:

— Лука, где вас черти носят?! Они давно внутри!

— Ну вот, мы здесь, — пробасил громила.

Гаспар нервно рассмеялся, поправил высокий стоячий воротничок сорочки, из-под которого выглядывал краешек уродливого шрама, и вновь сунул руку в карман к любимой навахе.

— Не дергайся, Матадор! — попросил его Лука — и попросил вовсе неспроста. Гаспар и в самом деле был слегка... неуравновешенным. Некогда он участвовал в боях с быками, но одна-единственная ошибка положила конец карьере матадора, превратив расчетливого бойца в дерганого неврастеника.

— Давай же! — поторопил меня Матадор. — Чего ты ждешь?!

Я приложил к губам указательный палец, призывая его к молчанию, и прислушался, но из кабинета не доносилось ни звука. Тогда постучался и сразу толкнул дверь, не дожидаясь ответа.

— Кузина! — громогласно объявил я, шагнув в комнату, и замер на пороге. — О-о-о... У тебя гости?

— Заходи, Жан-Пьер! — поспешно пригласила меня Софи и незаметно для бандитов прикрыла верхний ящик рабочего стола.

Большой Джузеппе развалился в глубоком кресле, его подручный стоял у выходявшего на улицу окна. Дорогие костюмы обоих были пошиты на заказ, заколки для галстуков и запонки сверкали благородным золотом. Так и не скажешь, что перед тобой головорезы, но взгляни в глаза — и не ошибешься, они самые.

На меня сицилийцы посмотрели мрачно и даже недобро. Предупреждая вопросы, Софи с улыбкой произнесла:

— Позвольте представить, мой кузен Жан-Пьер.

Большой Джузеппе задумчиво потер черневший бритой щетиной подбородок и нахмурился.

— Мы о делах говорим — нет? Не о твоей семье, правильно?

Софи беспечно рассмеялась.

— Продолжай, Джузеппе, прошу тебя. У меня нет секретов от кузена.

Я прикрыл за собой дверь и прислонился плечом к стене, не став проходить вглубь комнаты. Сицилиец взглянул на меня еще пристальней прежнего и усмехнулся.

— Вижу, ты поняла наконец, что клуб нуждается в твердой мужской руке?

Снисходительность головореза покорила меня, но я не стал возмущаться или выказывать недовольство и лишь широко улыбнулся.

— Нет, вовсе нет, — поправил я Джузеппе. — Просто присматриваю, чтобы здесь никто больше не умер. — И после едва заметной паузы добавил: — Случайно.

Эннио напрягся и отступил от окна, его лицо перекосила нехорошая ухмылка. А вот Большой Джузеппе лишь кивнул, принимая мои слова к сведению. Он закурил, кинул прогоревшую спичку на пол и перешел к делу.

— Ты вся в долгах, дорогуша, — прямо заявил сицилиец. — Клуб прогорает. Я предлагаю выход.

Софи поморщилась.

— Торговать наркотиками? Нет, это не для меня.

— Наркотиками? — возмутился Джузеппе. — Это просто кокаин! Он белый как снег и такой же безобидный! Половина твоих завсегдадаев будет просто счастлива разнообразить им свою скучную никчемную жизнь!

— Нет, — твердо ответила Софи и скрестила руки, давая понять, что разговор окончен.

Сицилиец подался вперед, и кресло жалобно скрипнуло под его весом.

— Готова лишиться клуба из-за своей принципиальности? — спросил бандит. — Вылетишь из бизнеса — и ты никто! О тебе не вспомнят уже на следующий день после закрытия «Сирены»!

— Не все так плохо, как это видится со стороны.

Джузеппе развел руками и поднялся на ноги.

— Советую прислушаться к голосу разума. Время еще есть. Немного, но есть, — заявил он напоследок и направился к выходу, явно намереваясь оттереть меня в сторону плечом, но я вовремя посторонился и распахнул дверь. Большой Джузеппе кинул на меня недобрый взгляд исподлобья и вышел в коридор. Подручный молча последовал за ним.

Насколько знаю эту публику, сильнее давить на Софи сицилийцы не стали только из-за моего присутствия. Пока что я был для них темной лошадкой, но они еще вернуться со своим предложением, и вернуться скорее рано, чем поздно.

Выглянув в коридор, я кивком отправил вышибал проводить незваных гостей, а сам вернулся в кабинет и прикрыл за собой дверь.

— И что это было? — поинтересовался после этого у кузины.

— Ты же слышал! — всплеснула та руками. — Хотят втравить нас в свои грязные делишки.

Я хмыкнул.

— Это они подослали к тебе легавых?

— Что? — удивилась Софи. — Нет! Конечно же нет! Будь у Джузеппе выход на Ньютон-Маркт, он бы вел себя совсем иначе! Просто решил воспользоваться ситуацией. Эта сволочь не упустит возможности половить рыбку в мутной воде!

Я кивнул и прошелся по кабинету, разглядывая обстановку. Письменный стол, напротив — пара удобных кресел, камин с бронзовыми часами на полке, диванчик у стены, занавешенные плотным тюлем окна, из которых просматривался весь перекресток.

Сбоку от камина висел портрет графа Гетти — мужа Софи. Он был той еще сволочью, и я — а точнее конечно же Пьетро! — не раз и не два предлагал повесить на это место одну из собственных работ, но Софи всякий раз отвечала отказом.

А просто снять портрет не было никакой возможности, поскольку за ним скрывалась дверца вмурованного в стену сейфа.

— Что-то не так? — присмотрелась ко мне хозяйка кабинета.

Я уселся в кресло и забарабанил пальцами по полированным подлокотникам.

— Если не Джузеппе прислал легавых, тогда кто? Что им было нужно?

— Да какое это сейчас имеет значение?

— В следующий раз меня может не быть рядом. Ты точно хочешь вновь оказаться с задранной юбкой?

Софи слегка покраснела, скорее не от смущения, а от злости, и положила руку на грудь, словно пыталась отгородиться от неприятного воспоминания. Сегодня она надела скромное серое платье без декольте, но его покрой лишь подчеркивал стройную фигуру.

— Софи! — повторил я.

— Такого больше не повторится! — ответила кузина после явственной заминки.

— Почему нет?

— Им просто были нужны деньги.

— В самом деле? Что за вздор?! Всем известно, что ты на мели!

Софи отошла к буфету и налила себе шерри.

— Будешь? — предложила она и мне.

— Нет, — отказался я. — Так чего они хотели от тебя? Что точно сказали?

Софи отпила шерри и отрешенно посмотрела в окно.

— Они потребовали открыть сейф, — сообщила кузина после долгой паузы.

Я обернулся, и Марко Гетти посмотрел на меня с портрета с нескрываемой укоризной. У него были на то причины.

— Сейф?

— Да, сейф.

Я поднялся на ноги, взял Софи за руку и развернул к себе.

— Так почему ты его просто не открыла? Никаких денег там и в помине нет, мне ли не знать!

Кузина высвободилась и попросила:

— Не дави на меня, Жан-Пьер!

Но я поступил ровно наоборот.

— Почему ты не отперла сейф, прежде чем тебя разложили на столе?

— Все случилось слишком быстро!

— Вздор!

— Это не твое дело!

Я указал на пол.

— Два трупа, Софи! На моих руках — двадохлых флика!
Я должен знать, что происходит!

Кухина выпила остатки шерри и вновь отвернулась к окну.

— Нельзя было открывать сейф. Просто нельзя.

Я подступил к ней со спины и обнял за плечи.

— Почему? Что там хранилось такого страшного?

— Фотографии.

— Какие фотографии, Софи?

— Из кабинетов третьего этажа.

Хозяйка клуба резким движением высвободилась, отошла к бару и вновь налила в стакан шерри, на этот раз — куда больше прежнего.

— Не будем об этом! — потребовала она.

Я опустил в кресло и стиснул пальцами подбородок.

На первом этаже особняка были обустроены концертный зал и буфет, на втором проводились приемы для привилегированной публики, а на третий могли попасть лишь немногие избранные, их гости да еще время от времени — девицы из кордебалета. Никаких денег, никакого принуждения. Господам хотелось развлечений, танцовщицы нуждались в знакомствах и богатых покровителях. Так было заведено еще графом Гетти, и у Софи не имелось возможности поменять устоявшийся порядок вещей. Не все зависело только от нее.

— Ты кого-нибудь шантажировала? — пришел я к самому логичному в этой ситуации выводу. Общественная мораль подобного времяпрепровождения категорически не одобряла, а завсегдатаи третьего этажа были один известней другого. Кому-то огласка сломала бы карьеру, кому-то — разрушила брак. Богатые готовы дорого заплатить за спокойствие, но стоит перегнуть палку — и жди беды.

— Шантаж?! — Софи обожгла меня возмущенным взглядом. — За кого ты меня принимаешь?

— А кто еще мог прислать полицейских?

— Я ни у кого не вымогала денег! Это же чистой воды безумие! Все равно что собственноручно подписать себе смертный приговор!

— Тогда зачем тебе снимки?

— Для страховки! Ты знаешь, что это за люди! Ты знаешь, на что они способны!

Я знал. Но еще я знал о плачевном состоянии финансов клуба и потому недоверчиво покачал головой.

— Не тебе ставить под сомнение мои слова, Жан-Пьер! — заявила тогда Софи, и в ее голосе зазвенел металл. — Реши я заняться вымогательством, ты бы узнал об этом первым! Кто бы еще помогал мне с этим, если не ты?

Я принял этот аргумент и вздохнул.

— Прости.

— Выпей вина и успокойся.

Но нет, успокаиваться я не собирался.

— Кто делал снимки? Быть может, это фотограф навел полицейских?

— Фотографии остались от Марко, снимал он сам. Никто о них не знает. Это просто совпадение!

Я лишь поморщился, потом склонил голову набок и задумчиво произнес:

— Снимки... Да, кстати! А мои снимки? Ты сохранила их?

— Ох, Жан-Пьер, к чему ворошить прошлое?

— Так сохранила или нет?

— Они абсолютно бесполезны! Лица разобрать невозможно! Никто не сможет тебя опознать!

— Я хочу их видеть! — решительно объявил я, поднимаясь из кресла.

— Сегодня мне будет не до этого.

— А завтра?

— Хорошо, ты их получишь, — сдалась кузина, уселась за стол и вытащила из ящика толстенный гроссбух. — Товар привезут ночью, — предупредила она меня после этого. — Договорись со всеми заранее.

— Договорюсь, — пообещал я.

Софи кинула на стол две пачки десятифранковых банкнот, добавила еще пару сотен сверху и попросила:

— Распишись!

Макнув стальное перо в чернильницу, я поставил в нужной графе неразборчивую закорючку. Две тысячи франков выде-

лялись на покупку строительных материалов для ремонта здания. Эта сумма выбивала в бюджете клуба немалых размеров брешь, но, если все пойдет по плану, очень скоро деньги вернутся сторицей и Софи покажет их в балансе, приплюсовав к выручке от продажи билетов. Придется заплатить налоги, зато ни у кого не возникнет вопросов, откуда взялись средства на погашение очередного платежа по закладной.

— Держи, — протянула мне кузина связку ключей и попросила: — Осторожней там, хорошо?

— Думаешь, сицилийцы что-то пронюхали?

— От них всего стоит ожидать, — сказала Софи, открыла верхний ящик стола и переложила из него в дамскую сумочку двуствольный дерринджер двадцать пятого калибра.

— Это точно, — со вздохом признал я, убирая ключи в карман.

— Все, мне пора бежать! — объявила кузина. — Надо еще сделать прическу и маникюр. Ты понадобишься мне на приеме, никуда не пропадай.

— Хорошо.

Софи шагнула из-за стола, но вдруг замерла на месте.

— Да! — как-то очень неуверенно произнесла она. — В четыре часа придет один человек, будет расспрашивать о вчерашнем происшествии. С тобой он тоже поговорит.

— Зачем это? — насторожился я.

— Маркиз Арлин весьма обеспокоен полицейским произволом, он поручил заняться этим одному своему хорошему знакомому из Третьего департамента Ньютон-Маркта.

Маркиз Арлин был одним из самых известных посетителей «Сирены». В качестве председателя императорской комиссии по промышленности маркиз пользовался влиянием ничуть не меньшим, чем иные члены кабинета министров, и стремление проверить, не копают ли под него политические оппоненты, представлялось мне в сложившейся ситуации вполне логичным. Кроме того, насколько я понял из обмолвок Софи, некоторое время назад маркиз неофициально вложил в клуб немалую сумму, чем помог ему удержаться на плаву. Не считаться с этим обстоятельством было нельзя.

— Кого Арлин попросил об одолжении? — уточнил я.

— Некого инспектора Морана.

— Так делу дали официальный ход?

Софи покачала головой.

— Нет, все неофициально. Главное, не сболтни лишнего.

— Как я могу? Меня здесь вчера еще не было.

— Отнесись к этому серьезней! Моран из Третьего департамента, он не мальчик на побегушках у маркиза, а действительно его хороший знакомый!

— Как раз их профиль, — хмыкнул я.

Третий департамент занимался не только контрразведкой, отловом малефиков и противодействием пропаганде религиозных фанатиков, но и выведением на чистую воду своих запятнавших честь мундира коллег.

Софи встала у зеркала, поправила черные локоны, огладила воротник платья.

— Два года назад Бастиан Моран на несколько дней возглавил Ньютон-Маркт. Стефан Фальер, тогдашний министр юстиции, назначил его по прямому указанию герцога Логрина. Знаешь, чем все закончилось?

— Знаю, — подтвердил я.

Затеявший дворцовый переворот регент был испепелен императрицей, а министр юстиции не стал дожидаться суда и пустил себе пулю в лоб.

— Моран вышел сухим из воды, — сообщила Софи. — Его просто не утвердили в должности и понизили до инспектора, но не уволили и не сослали в провинцию. Весьма изворотливый деятель, надо полагать. Осторожней с ним.

— Да уж постараюсь, — пообещал я, вслед за кузиной вышел в коридор и указал охранникам: — Глаз с нее не спускайте.

Лука и Гаспар синхронно кивнули и потопали вслед за хозяйкой.

Я же запер кабинет, сунул полученное от Софи кольцо с ключами в карман и отправился на обход клуба, благо до вечернего представления времени оставалось с избытком.

4

В фойе клуба дежурил Антонио. Высокий светловолосый красавчик с голубыми глазами и ямочкой на подбородке пользовался неизменным успехом у танцовщиц из кордебалета и слыл записным сердцеедом, но с гостями себе никогда лиш-

него не позволяя, был безупречно предупредительным, и не более того. Как-то раз Софи упомянула, что охранника вышибли из армии за интрижку с женой командира, и он дал себе зарок не повторять прежних ошибок.

Когда я подошел, Антонио посмотрел на меня с нескрываемым сомнением и язвительно поинтересовался:

— Говорят, теперь ты здесь главный?

— Если речь идет о главном мальчишке на побегушках, то да, так оно и есть, — рассмеялся я в ответ.

— Хозяйка никогда о тебе не говорила.

— У нас не те отношения с кухней, чтобы отправлять друг другу открытки на именины, — пожал я плечами. — Ты здесь один?

— Жиль курит на улице.

Жилем звали неприметного коротышку с крупным носом и вечно сонными глазами. Он мало говорил и казался не слишком сообразительным, но, когда охранники собирались за карточным столом, легко обчищал всех остальных. Чем коротышка занимался до того, как устроился в «Сирену» вышибалой, никто толком не знал; на работу его принимал еще граф Гетти.

Антонио отвернулся к зеркалу, достал расческу и спросил:

— Сицилийцы настроены серьезно?

— Не думаю, — покачал я головой. — Но с ними никогда наперед ничего нельзя сказать, поэтому держи ухо востро. Премьера должна пройти без сучка без задоринки.

Охранник кивнул, давая понять, что принял мое предупреждение всерьез.

— И да — сегодня ночью забираем товар, — сообщил я. — Собираемся после закрытия.

— Ого! Так ты в деле? — удивился красавчик.

— В деле. И что с того?

— Ничего, просто... странно это, — пожал Антонио плечами. — Появился из ниоткуда и вот уже знаешь все и обо всех. — Он покачал головой и повторил: — Странно.

— Может, кухня никогда и не говорила обо мне, — ответил я с обезоруживающей улыбкой, — но она мне доверяет. Это главное. Ясно?

— Ясно. А что с Моретти? Говорят, он уколошил двух полицейских и подался в бега?

— Пьетро — большой мальчик и способен сам о себе позаботиться.

Я хлопнул вышибалу по плечу и прошелся по фойе. Дальнюю стену занимало изображение лесной поляны с кружащими в танце обнаженными нимфами. Неподготовленному зрителю подобная картина могла показаться излишне фривольной, но от нападков моралистов ее спасал античный сюжет. Грань между приличным и неприличным в нашем обществе удивительно... тонка.

Не задерживаясь у картины, я свернул в боковой коридор и отправился на кухню. Пьетро предпочитал питаться в окрестных закусочных, но мне, как родственнику хозяйки, скромничать было не с руки. Не обращая внимания на неодобрительный взгляд шеф-повара, я снял пробу с готовящегося для вечернего приема угощения и выставил вверх большой палец. Шеф похвалы не оценил и велел убираться с кухни немедленно.

— Спокойствие, папаша! — улыбнулся я в ответ. — Только спокойствие!

Дядечка в белом халате и высоком поварском колпаке задохнулся от возмущения, чем я и поспешил воспользоваться. Откромсал пару кусков от копченого окорока, взял булку свежего хлеба и юркнул за дверь, не забыв ухватить по дороге уже откупоренную бутылку красного вина, которое явно намеревались использовать для приготовления соуса.

В клубе я оставаться не стал, отпер полученными от Софи ключами дверь на чердак и выбрался через слуховое окошко на крышу. Там устроился рядом с печной трубой, разложил еду на газете и принялся без спешки обедать, попутно разглядывая раскинувшийся во все стороны город.

Дул несильный ветер, в затянутом серой дымкой и облаками небе медленно дрейфовали дирижабли. Над Старым городом летательных аппаратов было непривычно много: там, постепенно прирастая этажами, тянулся ввысь императорский дворец.

Острословы уже успели окрестить это строение Новой Вавилонской башней, но лично я не видел в желании ее величества стать немного ближе к небу ровным счетом ничего предосудительного. И сам не без греха, что уж там говорить...

Запрокинув голову, я приложился к бутылке и сделал долгий глоток вина, потом достал карандаш и блокнот. Но зарии-

совал не окрестные виды, а навестивших клуб сицилийцев. Лица, очертания фигур, движения.

Просто так, на всякий случай. Вдруг на что сгодится...

Спустился я с крыши, когда уже начало вечереть. Прошелся по клубу, наблюдая за приготовлениями к представлению, проверил, как обстоят дела у охраны, потом заглянул в общую примерную. Танцовщицы накладывали макияж и только-только начинали переодеваться в сценические наряды, большинство девушек пока еще расхаживали в коротеньких халатах, а некоторые и вовсе ограничились лишь кружевными панталонами.

Одна такая полуголая красотка стояла у самого входа; я не удержался и шлепнул ладонью ей чуть ниже спины. Девушка взвизгнула, застигнутые врасплох танцовщицы закрылись руками и полотенцами, загомонили, требуя убираться прочь.

— Привет-привет! — беспечно улыбнулся я, но на всякий случай все же отступил к двери. — Я Жан-Пьер, кузен госпожи Робер!

Крики смолкли, в глазах девушек появился интерес. Кто-то как бы невзначай принял соблазнительную позу, кто-то позволил слегка соскользнуть полотенцу и распахнуться халатику. Одна рыжая чертовка после моих слов и вовсе стала не столько закрывать ладонями груди, сколько приподнимать их, выставляя напоказ.

Я сделал вид, будто ничего не заметил, и объявил:

— Кузина попросила присмотреть в клубе за порядком, поэтому если у кого-то вдруг возникнут проблемы, например, начнет приставать излишне ретивый ухажер, не скромничайте и сразу зовите меня. Помогу, чем смогу.

— Будешь провожать домой? — поинтересовалась рыжая кокетка.

— И даже в кроватку уложу, если понадобится, — с усмешкой подтвердил я. — Главное, не тяните! Всем все ясно?

Я дождался утвердительных кивков, вышел в коридор и наткнулся там на Гаспара.

— Жан-Пьер! — окликнул меня испанец. — Пришел какой-то странный тип, госпожа Робер просит тебя им заняться.

— Кто такой?

— Какой-то Моран. Никогда его раньше не видел.

- А! — сообразил я, о ком идет речь. — Где ты его оставил?
- В холле.
- Идем!

К этому времени уже начали подходить первые зрители. Антонио и Жиль сверялись со списками и запускали их внутрь. Сегодня была закрытая премьера, и случайных людей в клубе не ожидалось, но полицейский на фоне избранной публики нисколько не выделялся.

— Вон, у зеркала, — подсказал Гаспар.

Инспектор Моран оказался худощавым господином средних лет в отлично пошитом вечернем костюме; в петлице пиджака алела гвоздика, из нагрудного кармана выглядывал аккуратный треугольник белого платка. Аристократическое лицо сыщика было худым и бледным, с высокими, круто заломленными бровями, прямым носом и тонкими бледными губами. Напомаженные волосы он зачесал назад.

Я подошел и радушно улыбнулся:

— Мсье Моран?

Инспектор нисколько не походил на полицейского, а скорее напоминал театрального критика или даже бездельника из театральной богемы, но стоило ему только повернуться ко мне, и от пристального взгляда колючих серых глаз враз сделалось не по себе.

— С кем имею честь? — поинтересовался Моран, и поинтересовался, надо сказать, весьма холодно, но я и не подумал разыгрывать смущение.

— Я Жан-Пьер, кузен мадам Робер. Она попросила вам здесь все показать.

Инспектор взял со столика кожаную папку и попросил:

— Проводите меня в кабинет госпожи Робер.

— Ее сейчас нет...

— Не важно! — отрезал Моран и уже несколько мягче добавил: — С ней я побеседую позже, а сейчас просто хочу осмотреть... место происшествия.

— Как скажете. Нам сюда...

Взмахом руки я отпустил наблюдавшего за нами со стороны Гаспара и провел сыщика к кабинету Софи. Отпирать его не понадобилось, Моран просто огляделся в коридоре и спросил:

— Это ближайший путь из зала?

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая	18
Часть вторая	63
Часть третья	111
Часть четвертая	168
Часть пятая	199
Часть шестая	226
Часть седьмая	281
Часть восьмая	303
Часть девятая	343
<i>Эпилог</i>	379